

УДК 316.7
DOI: 10.17223/19988613/54/3

Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский

РУССКАЯ ВЛАСТЬ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Рассматривается история формирования образа власти в одном из мусульманских регионов Российской империи – Туркестанском генерал-губернаторстве, который был одним из важнейших факторов внутренней политики, обеспечившим стабильное развитие Русского Туркестана. Показаны этапы становления русских частей туркестанских городов, особенности их планировки и застройки. Сделан акцент на смысловом и символическом значении городской топонимики и монументальных сооружений в создании нового цивилизационного пространства в регионе. Объясняется значение пышных церемониалов, сопровождавших публичные мероприятия российской администрации.

Ключевые слова: монументальное искусство; градостроительство; архитектура; церемониал; образ власти; Русский Туркестан; традиционная культура; европейская цивилизация.

Осваивая Центрально-Азиатский регион в XIX в., Российская империя встретила в нем совершенно новую для себя социокультурную среду. Культурная дистанция между российской повседневностью (а также соционормативной традицией мусульман внутренней империи) и тем, с чем столкнулись завоеватели в приграничных регионах, была разительна, удивительна и даже пугающа. Новые «другие» воспринимались как потенциальная угроза.

Здесь империя попала в атмосферу «средневековья» и чувствовала себя символическим проводником, транслятором ценностей западной цивилизации. Инаковость социокультурной традиции ощущалась не только на ментальном уровне, но и просто визуально. Это была действительно другая повседневность: иные улицы, иные жилища, иной ритм жизни, иные постоянные дворы и трактиры, иные городские рынки, иная одежда, иная музыка, иные семейные (и вообще социальные) отношения. Воспринять местную социокультурную традицию русские не могли. Оставалось вписаться в нее и преобразовать. Оставляя за скобками неоднозначные последствия цивилизаторской миссии России, заметим, что со временем «другая повседневность» в Центральной Азии стала приобретать новый облик. Дороги, новые типы гражданских и военных построек, театры и госпитали, формируя новую европейскую городскую традицию, создавали новое качество социальных отношений и связей.

На Востоке Россия столкнулась с традицией государственности, одной из важнейших составляющих которой была самопрезентация власти. Власть должна была поражать подданных своим величием. Это было одним из факторов, гарантировавших лояльность местного населения. Именно стремлением подчеркнуть величие, основательность и постоянство власти было вызвано появление великолепных резиденций главных

начальников региона. Резиденция туркестанского генерал-губернатора поражала роскошью внутреннего убранства. Новые здания театров, гимназий, площади и парки были не только формами городской культуры, но и сами являлись символическим воплощением имперской стабильности и порядка.

Вслед за завоеванием Мавераннахра империя столкнулась с дилеммой – принять местные условия игры и модернизировать окружающую действительность изнутри (путь долгий и трудный) или напрямую навязать социуму свою модель (более решительная и быстрая трансформация), подкрепляя радикальные политические, экономические и социальные изменения презентацией альтернативного образа цивилизованности, подчеркивающего резкую грань между прошлой жизнью и будущим огромного региона, определяющимся европеизированными социокультурными кодами.

Вполне естественно, что Россия, позиционировавшая себя транслятором европейской цивилизованности на Востоке, не видела для себя другого пути, кроме решительного конструирования визуального образа своей гегемонии, призванного подчеркнуть не только цивилизационную дефиницию и незыблемость новой власти, но и необратимость свершившихся и предстоящих трансформаций.

Поэтому сразу вслед за завоеванием Ташкента (17 июня 1865 г.) начался перманентный процесс преобразования городского ландшафта. В первую очередь были снесены кокандские оборонительные сооружения и военные постройки, а к сентябрю 1865 г. было завершено строительство новой крепости с помещениями для воинских подразделений и командования, лазаретом, цейхгаузом и пороховым погребом. Эти сооружения конструктивно не отличались от подобных по всей империи, а первое гражданское здание европейской архитектуры – домик первого военного губернатора

Туркестанской области М.Г. Черняева – стал своеобразным прототипом для ранней европейской застройки Ташкента. Его европейская планировка сочеталась с традиционными строительными материалами. Толстые стены с небольшими окнами были сложены из сырцового кирпича и завершались камышовой крышей с небольшими скатами.

Интеграция русской архитектурной школы с местной традицией, воплощенная в так называемом кирпичном (мене корректно – «колониальном») стиле, появление особых «русских» частей городов с европейской планировкой стали не только чертами, заложившими фундамент для трансформации туркестанских городов, но и важными элементами конструирования визуального образа присутствия Российской империи в инокультурном регионе, которые получили развитие в дальнейшем.

А пока, в середине 1860–1870-х гг., началось не только строительство нового Ташкента и других городов региона, но и закладывались основы взаимодействия «русских» и «туземных» частей городов, ставшего на долгое время отличительной чертой региональной городской культуры.

Умеренная интеграция – вот емкая характеристика, которая отражает суть российской политики в регионе вообще, в том числе и ее социокультурной составляющей. А потому новая власть в весьма редких случаях шла на строительство абсолютно новых городов, предпочитая использовать и развивать уже сложившуюся инфраструктуру. Новые европейские города в большинстве своем учреждались у границ старых населенных пунктов, не вторгаясь в пределы устоявшихся городских общин (махалля), но и не пуская их на свою территорию.

Не только новая архитектура, монументальные сооружения (общественные здания, храмы и памятники), но и регулярная планировка городов, а также прототипы генеральных планов призваны были создать новую реальность и маркировать российское присутствие в Центральной Азии, но стать притягательным образцом – моделью новых цивилизационных отношений между властью и подданными.

В отличие от хаотичной дискретной застройки старых городов, планировка новых отличалась регулярностью, т.е. рациональностью и ясностью целей. В их центрах проектировались широкие площади, пригодные для демонстративных парадов войск, значительные участки отводились под базары, скверы и бульвары. Регулярно организованные широкие проспекты и улицы подлежали бульжному мощению. Позднее на них организуются освещение и движение городского транспорта.

В течение первых 15 лет с момента присоединения к России Туркестанского края (1865) таким преобразованиям, кроме Ташкента, подверглись Самарканд, Наманган, Андижан и, несколько позднее, Коканд и Маргелан (Новый Маргелан). Что касается других ад-

министративных центров Российской Центральной Азии, таких как Верный и Асхабад, которые в разное время входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства в составе Семиреченской и Закаспийской областей соответственно, то здесь ситуация была принципиально иной. Верный вырос из русского военного укрепления и казачьей станицы, поэтому деления на «русскую» и «туземную» части здесь не было, а город сразу же получил и сохраняет до сих пор регулярную планировку в своей центральной части. По такому же пути развивался и Асхабад с той лишь разницей, что он сформировался на месте населенного номадами небольшого Ахалтекинского оазиса, а потому не имел сколько-нибудь серьезных препятствий на пути устройства регулярно спланированного российского административного центра.

Первым городом нового типа в оседлой части Русского Туркестана стал Ташкент. После принятия решения о превращении его в административный центр новых российских владений, к северо-востоку от новой крепости была спланирована площадь, своими прямоугольными краями формировавшая регулярную планировку нового города, развивавшегося в восточном и юго-восточном направлениях. От этой площади началась улица Самаркандская, ставшая главной осью нового города. Со временем вокруг главной площади появились дом генерал-губернатора с садом и торговая площадь. Таким образом, в соответствии с европейской практикой, вместо полицентризма старого города, новая часть Ташкента получила ярко выраженный центр, отмеченный со временем архитектурными и идеологическими доминантами.

История российского градоустройства Ташкента позволяет выделить три периода. Причем второй период несколько не противоречит первому, не означает начало реализации некоей новой градостроительной идеологии, а напротив, развивает символизм, изначально заложенный военными инженерами.

Даже беглый взгляд на план русского города вызывает почти неосознанное желание наложить его на план регулярного идеала России – Санкт-Петербурга. При этом схема столицы Туркестанского края повторяет главные элементы схемы столицы империи: крепость на юго-западе уравновешена главной площадью с домом (дворцом) генерал-губернатора; практически прямоугольная планировка первых регулярных кварталов дублирует линии и проспекты Васильевского острова; а радиально-концентрическая схема планировки второй очереди городской застройки (по генеральному плану 1873 г.) повторяет лучи проспектов, расходящихся от столичного Адмиралтейства [1. С. 224]. Новые улицы стали более широкими, на новых территориях появились зеленые массивы садов и парков.

Первоначально новая часть Самарканда не имела четкой планировки. После русского завоевания (1868 г.) центром осталась цитадель, эспланада которой была вскоре расчищена и от нее протянуты три широ-

кие улицы к Регистану, комплексу Шах-и-Зинда и юго-западнее Регистана. Планировочные работы в новой части города начались в 1872–1873 гг. к западу от цитадели, так как восточные и юго-восточные территории были заняты старыми кварталами. В новом Самарканде за основу была принята реализованная позднее в Ташкенте радиально-концентрическая схема, наиболее эффективная с оборонительной точки зрения. Если в Ташкенте границей двух городских частей был арык Анхор, то в Самарканде – широкий Абрамовский бульвар. Как и в региональном центре, две большие площади были отведены под плац и базар.

Подобную организацию с плацем, базаром и городским садом, шестью радиальными улицами и тремя концентрическими проспектами получил с 1877 г. Наманган, новая часть которого была отделана от старой части бульваром. Аналогичное устройство в то же время обрела русская часть Андижана. Радиально-концентрическая схема была реализована при устройстве Нового Маргелана, соединенного шоссе со старым Маргеланом. Планировочное отступление было сделано лишь для Коканда, занятого российскими войсками в 1876 г. Здесь новая часть города с прямыми улицами была устроена в центре вокруг ханской резиденции Урды [1. С. 225].

Избранная в большинстве новых районов туркестанских городов радиально-концентрическая схема оправдывалась не только военно-тактическими соображениями. Испытанная в российской практике, она создавала условия для дальнейшего роста городов и при этом обеспечивала эффективную связь окраин с городским центром, где концентрировались административные и общественные учреждения, формировались торговые центры.

Новые части городов и европеизированные городские кварталы должны были нести в себе не только символические, но и вербальные коды, призванные день за днем воздействовать на местное население, выходящее за узкие рамки (территориальные и ментальные) своих социумов для взаимодействия с новой властью в зоне фронта. Остановимся на Ташкенте, где, подобно другим местным административным центрам, военно-завоевательный и мемориальный характер нового поселения отразился в названиях улиц, носивших имена наиболее отличившихся генералов (Черняевская, Романовского, Кауфманская, Скобелевская, Куропаткина, Духовского); названия завоеванных в регионе населенных пунктов (Самаркандская, Иканская, Чимкентская, Туркестанская, Аулие-атинская, Кокандская, Андижанская и др.) и мест, прославивших русское оружие в других войнах (Шипкинская); имперских столиц (Петербургская и Московская); имена крупнейших деятелей русской культуры (Пушкинская, Крылова, Лермонтова, Некрасова). Это должно было и зримо, и вербально обозначить не только присутствие инокультурной империи, но и ее доминирование в регионе.

Широкие улицы и проспекты, площади, скверы и свободная застройка не только формировали более благоприятные, чем в старых городах, условия для жизни, но и создавали привлекательный образ новой власти хотя бы в глазах расположенной к сотрудничеству элиты местного общества. Что же касается старых частей крупных туркестанских городов, то здесь не осуществлялось никакого благоустройства, за исключением уничтожения зинданов (подземных тюрем) и прокладки улиц для связи с русскими частями.

Первые капитальные сооружения возводились военными инженерами и не отличались архитектурными изысками и стилевым разнообразием. Они имели исключительно утилитарный характер и несли на себе отпечаток набиравшего силу эклектизма. Основным стройматериалом был сырцовый кирпич. Лишь наиболее важные постройки военного ведомства возводились из жженого кирпича. Местные декоративные элементы и приемы находили применение при строительстве даже первых туркестанских храмов.

Первые административные здания Ташкента были сосредоточены на улице Романовского (прежде – Базарной, Большом проспекте), названной так в честь второго военного губернатора Туркестанской области, прославившегося рядом значимых военных побед. Под руководством военного инженера Д. К. Зацепина здесь в 1873 г. были отстроены одноэтажные помещения Сырдарьинского областного правления и Канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Они соседствовали с возведенным в 1877 г. инженером С.В. Лихановым двухэтажным зданием Контрольной палаты. Единственным средством выразительности этих эклектических сооружений были простые горизонтальные карнизы и вертикальные пилястры [1. С. 227]. Здание Канцелярии имело подчеркнутый вход в угловой части, а его фасад был декорирован чередованием плоских канеллированных пилястр ионического ордера с полуциркульными окнами. Широкая одномаршевая лестница вела сразу на второй (служебный) этаж Казенной палаты, а первый (цокольный) предназначался для подсобных целей [2. С. 47]. В других городах края в это время возводились в основном военные и административные сооружения, мало отличавшиеся от построек в центре генерал-губернаторства.

Если в первые полтора десятилетия российская администрация была занята в основном завершением военных действий, умиротворением покоренного края и решением неотложных вопросов, то к концу 1870-х гг. обрела достаточно силы для того, чтобы перейти к решению задач укоренения и распространения в местной среде влияния и авторитета имперской власти монументальными средствами. Безусловно, монументальная архитектура является важной составляющей образа власти. В этом отношении российская власть пошла по двухколейному пути, сочетая гиперболизацию традиционной семантики (резиденции власти) и сооружение монументальных зданий новой функциональной

направленности, декларировавших полный разрыв с архаическим прошлым.

Официальные резиденции и общественные здания играли важную роль в пропагандистском дискурсе империи в Центральной Азии. Следует заметить, что, идеологически и физически осваивая новое социокультурное пространство, власть приносила в среднеазиатский город как отжившие свой век, так и вполне современные архитектурные формы. В Ташкенте второй половины XIX в. можно встретить два типа дворцов. Первый, представленный дворцами генерал-губернатора и великого князя Николая Константиновича, апеллирует к европейской традиции раннего Нового времени, в которой дворцовая резиденция «представляет собой тотальное художественное пространство, в котором упразднены все хозяйственные функции в пользу единственной – репрезентативной» [3. С. 29]. Он не просто коррелирует с государственной властью, но своим декоративным оформлением являет определенную сюжетно-тематическую программу. Строившийся с 1866 по 1884 г. дворец генерал-губернатора (Белый дом) представлял собой сооружение с довольно путанной планировкой, среди которой тем не менее выделалась анфилада прекрасно отделанных парадных комнат с высокими потолками: огромные Георгиевский зал и большая столовая, а также несколько гостиных, одна из которых была выполнена в местном стиле. Посередине дворца под огромной остекленной крышей располагался Зимний сад с мостиками, горками, фонтаном и множеством экзотических растений. Наиболее ярким элементом фасада дворца был двускатный навес над центральным входом, опиравшийся на деревянные колонны и балки, покрытые прихотливой глубокой резьбой в псевдорусском стиле. То обстоятельство, что построивший это здание генерал-губернатор К.П. Кауфман предпочитал работать в более скромной обстановке загородной дачи, кстати, является одним из доказательств особого предназначения резиденций именно как символов имперского присутствия на окраинах. Над площадью перед Белым домом доминировал сооруженный в 1888 г. Спасо-Преображенский военный собор. Массивное храмовое здание вместе с 33-метровой колокольной, выполненные в византийском стиле, вместе с генерал-губернаторской резиденцией предназначены были исполнять репрезентативную функцию, декларируя неразрывное единство и незыблемость русской власти и православия, неразрывную связь окраины с Российской империей.

Завершение работ в Белом доме и строительство военного собора приходится на второй период российского градостроительства в Туркестане, когда планировочные вопросы уже решены и начинается интенсивная застройка городских кварталов. В результате синтеза местных и русских архитектурно-строительных приемов разрабатывается типология общественных и жилых зданий.

Именно в этот период, в силу различных обстоятельств, в пределах туркестанских городов начинает

проявляться взаимное влияние двух культурных традиций. При этом российская (европеизированная) традиция, воспринимая некоторые местные реалии, лишь усиливает свое симфоническое звучание, направленное на гомогенизацию социокультурного пространства региона на основе новых цивилизационных норм.

Если на первом этапе российская власть предпочитала, не вторгаясь во внутреннюю жизнь старых городов, обустривать свои военизированные административно-культурные форпосты вне городских стен, то наступившее умиротворение края позволило ей действовать в этом отношении более свободно и целесообразно.

Это касается в первую очередь Коканда, где вопрос новой городской планировки с выделением русской части не был еще решен. Из-за нехватки свободных пригородных земель в бурно разрастающемся уездном городе не оставалось ничего, кроме как устроить русские кварталы вокруг бывшей ханской резиденции. Однако и здесь удалось освободить лишь незначительную территорию. В 1884 г. с запада на восток через центр города была проложена прямая улица, вдоль которой лишь 18 участков были отданы под частную застройку, а остальные заняли казенные учреждения. Планируя расширение города на запад, городская администрация вынуждена была пойти на принудительное отчуждение земель, по которым в 1891 г. прошла новая дорога от центра города к вокзалу. Прилегающие к ней участки власти не могли выкупить вплоть до 1917 г. [1. С. 229]. Зато прибывающие сегодня в Коканд могут удивиться, увидев регулярную планировку и небольшие европейские кварталы, окружающие бывший ханский дворец, бок об бок с которыми соседствуют оставшиеся от ханских времен памятники истории, культуры, фрагменты старой застройки. При этом хаотичные махалы разрезаны широкими прямыми улицами, огибающими исторически сложившиеся кварталы.

Однако пример Коканда является уникальным для Туркестана. Российская администрация в XIX столетии не стремилась к насильственному разрушению местной повседневности, полагая наиболее эффективным конструирование новой привлекательной реальности где-то в досягаемой близости. Еще одним исключением в этом отношении был Андижан, где после подавления восстания 1898 г. под русскую застройку было конфисковано более 200 десятин городской земли.

В последней четверти XIX в. в Туркестане удалось наладить массовое производство жженого кирпича, который стали использовать и в старых частях городов при строительстве жилых домов и квартальных мечетей. А вслед за новым стройматериалом шли новые строительные и декоративные технологии, заимствованные у русских архитекторов.

Местный желтовато-серый кирпич, в отличие от распространенного во внутренней России красного, практически не менял от времени цвет, а распространенное в это время по всей стране многоэтажное строительство не получило развития в Туркестане. Эти

обстоятельства привели к тому, что малоэтажные строения из местного жженого кирпича отличались большим разнообразием, лаконичностью и выразительностью, что сформировало уникальный туркестанский кирпичный стиль. Этот материал позволил сохранить до наших дней часть свидетельств цивилизационного присутствия России в Мавераннахре. Следует добавить, что ближе к концу столетия военных инженеров в туркестанском строительстве сменили гражданские архитекторы, приезжавшие, в том числе, из столиц. Это не могло не отразиться на изменении облика местных городов.

Одним из наиболее интересных сооружений того времени стал дворец великого князя Николая Константиновича, возведенного из жженого кирпича в 1889–1890 гг. по проекту А.Л. Бенуа и под руководством В.С. Гейнцельмана. Это эклектичное сооружение, в основном одноэтажное на высоком цоколе, значительно уступало по размеру великокняжеским резиденциям и купеческим особнякам российских столиц. А его решение в романтическом духе, с использованием романских и готических элементов, придавало дворцу облик охотничьего загородного особняка, что поддерживалось скульптурами охотничьих собак, оленей и размещенными на фасадах конскими головами. Внутренние помещения были украшены в восточном и средневековом европейском стилях [2. С. 54–55]. Дошедшее до наших дней сооружение сохраняет свою притягательную силу и вызывает удивление даже на фоне современного окружения. Что уж говорить о вековой давности, когда небольшой дом члена императорской фамилии воспринимался как диковина и поражал воображение местных жителей.

Завершив умиротворение региона, российская власть принялась за его политическое, административное и культурное освоение. Внедрение новых, цивилизационно чуждых элементов во все сферы местной повседневности (кроме религии) должно было поддерживаться и визуально. В том числе поэтому, а не только из утилитарных соображений в туркестанских городах стали появляться сооружения нового типа – административные и общественные здания, призванные визуально закрепить наступление нового этапа в жизни обширного региона.

В 1882 г. на Константиновской (названной в память о генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане) площади поднялось простое и пропорционально строгое, украшенное рустом, пилястрами и разнообразными оконными проемами двухэтажное здание Ташкентской мужской гимназии, мотивы которого в несколько упрощенной форме были повторены в появившемся через год и фланкирующем сквер с другой стороны от Соборной (Кауфманской) улицы помещении для женской гимназии.

Совсем незадолго до этого из сырцового кирпича на той же площади появился комплекс (учебный корпус и часовня) Учительской семинарии, возведенный по про-

екту архитектора А.Л. Бенуа и сочетавший элементы «русского» и готического стилей. Первый стиль получил максимальную реализацию при сооружении павильонов для ташкентской выставки 1890 г. Русская стилистика нашла отражение в разработке типовых проектов церквей для русских поселений Сырдарьинской области, в украшении служебных построек великокняжеского дворца, в нереализованном проекте привокзальной церкви Ташкента, составленном в 1896 г. гражданским инженером Г.М. Сваричевским [1. С. 233, 235].

В 1898 г. архитектором В.С. Гейнцельманом было выстроено здание Реального училища. В нем впервые в туркестанской практике был применен мотив контрфорсов, придающий сооружению монументальность, вполне приемлемую в масштабах открывающейся перед ним площади.

Туркестанская практика знает и использование классицистических приемов в архитектуре. Например, выстроенное в 1899 г. по проекту архитектора О.И. Гамбургера здание Городской думы, главный вход в которое был выделен монументальным выразительным портиком, опирающимся на две мощные канеллированные дорические колонны, фланкированные квадратными пилонами. Стены одноэтажного фасада были украшены уникальными для города барельефами.

Еще одним удачным примером капитальных строений новой власти в Ташкенте стало здание конторы Государственного банка, построенное в 1895 г. по проекту В.С. Гейнцельмана. Выдержанное в стиле барокко, оно имело оформленный в виде ризалита вход, богато декорированный колоннами с разорванным фронтоном.

Монументальным и представительным было открывшееся еще в 1885 г. в основном одноэтажное здание Военного собрания. Отличавшееся неудачной планировкой, оно имело большой двусветный зал, украшенный лепными деталями, канеллированными колоннами и балконом. Все эти украшения, как свидетельствуют специалисты, делали зал нарядным и уютным, но не избавляли его от провинциальной перегруженности, превращая сооружение в «типичный образец крупного провинциального здания, соответствующего вкусам и запросам его посетителей» [2. С. 75].

Православные храмы, здания резиденций губернаторов и уездных начальников, областных правлений и канцелярий, офицерских и общественных собраний, гимназий и лазаретов в это время появляются в Самарканде, Новом Маргелане, Намангане, Андижане, других областных и уездных городах Туркестанского края. Представляя собой монументальные сооружения, они безусловно несли на себе идеологическую нагрузку, донося до зрителя мысль о незыблемости российского присутствия в регионе. При этом часть зданий (в первую очередь резиденции губернаторов и военные собрания) призваны были продемонстрировать величие новой власти и напомнить о мощи ее армии.

Активизация экономики страны на рубеже XIX–XX вв. вполне закономерно затронуло и Туркестанский

край, где начинается быстрый рост городов, появляются капитальные сооружения нового типа: вокзалы, крупные магазины, гостиницы, театры, цирки, здания промышленных предприятий, многоквартирные дома. Архитектурно-строительная связь региона с имперским центром становится более тесной.

В это время в Ташкенте появились электрическое освещение, водопровод, общественный транспорт, в том числе и трамвай, пожарные команды. Центральные улицы были асфальтированы. Местная бойня была оснащена по последнему слову техники. Монументальные сооружения этого времени стали более выразительными и отражали самые современные стилистические направления. Все большее распространение получают двухэтажные здания. Популярным становится стиль модерн, накладывавшийся на местную эклектику.

Многие общественные здания решались в стилистике «немецкого Ренессанса». Например, новый вокзал, возведенный в 1898 г. по проекту Г.М. Сваричевского. Его центр выделялся высоким куполом с железной крышей, имитировавшей черепицу. Фасад украшали колонны с большими оконными проемами. Боковые части фасада, как и центр, были выделены ризалитами и украшены меньшими башенками. Те же мотивы прослеживаются и в крупном торговом пассаже Арифходжи в самом центре города.

Одним из наиболее интересных общественных зданий 1910-х гг. стала гостиница «Националь» с распространенным в Ташкенте угловым входом, отмеченным по вертикали башенкой. Необычные решения имел и пассаж Яушевых с прорезной аркой. Расположенный неподалеку доходный дом, возведенный И.А. Маркевичем в 1915 г. с использованием классицистических элементов, имел оригинальное решение внутреннего фасада с большими балконами-айванами по второму этажу.

Русский стиль постепенно терял свою актуальность и отражался в основном в культовых постройках. Последним примером его применения в гражданском строительстве стало колоссальное здание Кадетского корпуса, богато украшенного по фасаду фасонным кирпичом.

Лишенный своих естественных строительных материалов (стекла, бетона, металла и новых декоративных материалов) модерн в Туркестане получил своеобразное воплощение как вариация «кирпичного стиля». Наиболее удачным в этом отношении было архитектурное решение сохранившегося до наших дней здания Русско-Азиатского банка в Коканде (архитектор И.А. Маркевич) и, в меньшей степени, дома Вадьяевых (архитектор Г.М. Сваричевский) там же. Более интересны и стилистически цельны его же здания для аптеки Ф. Каплана (1906) и Мариинского училища (1912) в Ташкенте.

Формы архитектуры классицизма нашли отражение во внушительном трехэтажном здании Туркестанской судебной палаты и Окружного суда, строительство ко-

торого по проекту архитекторов Г.М. Сваричевского и К.М. Тильгина завершилось к 1918 г. Центр сооружения был выделен портиком с колоннами, увенчанными фронтоном. Первый этаж был выделен рустом, а детали фасада отличались лаконичностью. Парадным подъездом с колоннадой в первом этаже и аттиком во втором было украшено располагавшееся неподалеку здание зимнего театра, перестроенное из помещения биржи инженером И.А. Маркевичем в 1915 г. Несущее на себе черты московского классицизма, это сооружение имело более камерный, но тем не менее величественный облик по сравнению со своим соседом.

Перечислив многочисленные увеселительные заведения дооктябрьского Ташкента, среди которых театр-варьете «Буфф», кинотеатр «Мулен Руж», летний кинотеатр «Хива» в Городском саду, Общественное собрание, остановимся лишь на кратком описании стационарного кинотеатра «Хива» (1910–1912) на перекрестке Кауфманского проспекта и улицы Романовского. Суровое внешнее оформление здания в стилистике хивинской усадьбы контрастировало с экзотическим внутренним декором. Сохранилось его описание, оставленное самим архитектором: «Зал обработан в хивинском вкусе. Карниз – 1 400 штыков и столько же казачьих шашек. По стенам картины их Хивинского похода... Занавес – парад на главной хивинской площади. В фойе – тропические растения, обезьяны и попугаи. По стенам – картины тропической природы» [1. С. 246–247].

Трудно отказать себе в цитировании описания уникального сооружения, появившегося в Ташкенте накануне Революции. Речь идет о цирке-варьете, более известном как театр «Колизей», с самым большим зрительным залом в городе (почти на 1 100 мест). «Главным элементом композиции был круглый зал, перекрытый куполом диаметром около 33 м. Внизу пространство зала было заполнено по кругу возвышающимися рядами зрительских мест. В задней части зала находилась большая сцена с оркестровой ямой. Внизу, примыкая к центральной арене, располагался первый ярус наиболее удобных и близких к сцене мест. Далее, за ограничивающим барьером, находились места второго яруса, замкнутые венцом лож. Проход к местам первого яруса вел непосредственно из просторного вестибюля и по круговой галерее под местами второго яруса. Эта же галерея, к которой примыкали помещения буфетов и туалетов, служила рекреацией во время антрактов. На второй ярус и в ложи попадали из вестибюля по отдельным лестницам через глубокое и просторное фойе, вытянувшееся вдоль всего главного фасада. Для подъема на галерею под ложами были отдельные лестницы, вытянувшие вдоль боковых фасадов с выходом на них непосредственно с улицы. Интерьер зала был полностью лишен чисто декоративных элементов. Простотой, логикой решения и целесообразностью он очень близок современным архитектурным решениям. В нем активные архитектурные формы,

формирующие пространственный облик зала, в то же время функционально и конструктивно необходимы» [2. С. 75–76].

Подобные ташкентским сооружения, только иной раз меньшего масштаба и меньшим количеством, находились во всех областных городах края. Чуждые местной традиции (знавшей исключительно ханские дворцы) не только по своему архитектурному решению, но и по функциональному назначению дворцы управления, просвещения, суда, публичных собраний и развлечений не только знаменовали собой начало новой эпохи, но и призваны были пропагандировать новый образ жизни и новые цивилизационные ценности.

Новый тип дворцов, дворцов-идеологем, был представлен в Туркестанском крае целым рядом зданий государственных учреждений, призванных своим величественным обликом декларировать стабильность и укорененность институтов государственной власти в цивилизационной парадигме, политическое и социальное устройство государства, его прерогативы и приоритеты. Не случайно монументальный характер имели помещения Казенной палаты и Судебных установлений, построенной в псевдорусском стиле на Константиновской площади учительской семинарии. А в большинстве своем одноэтажном городе выделялись большие, решенные в выразительных архитектурных формах, двухэтажные здания мужской и женской гимназий. Самым крупным и в некотором смысле парадным и монументальным городским сооружением стало законченное к 1905 г. здание кадетского корпуса. Обратим внимание, что даже совершенно новые типы зданий (фабрики, вокзалы, кинотеатры, пассажи, выставочные павильоны), будучи зачастую выполнены в местном стиле, тем не менее семантически провозглашали наступление в Туркестане нового времени, поддерживали образ незыблемости российского владычества, радикально изменившего вектор развития региона.

Здесь следует заметить, что сфера народного просвещения также рассматривалась как важнейший элемент конструирования образа России в Центральной Азии. Распространение русского языка и российской школы изначально воспринимались как важнейшее средство закрепления Туркестана в составе империи. Достичь поставленной цели предполагалось путем создания неконфессиональной и общей для русского и коренного населения школы. Российская администрация в Туркестане прошла путь от «игнорирования» традиционной мусульманской школы в расчете на то, что она не выдержит конкуренции с более прогрессивной вестернизированной русской школой, до попыток ввести в программу медресе русский язык, математику, географию, историю, естествознание и другие предметы. В конце XIX в. была выдвинута идея русско-туземных школ, школ начального образования для обучения детей местного населения нерусского происхождения. Они являлись первыми школами европейского типа, в которых представители местного населе-

ния в Туркестане могли получать светское образование. Целью этих школ являлись обучение детей местных жителей русскому языку и приобщение к ценностям европейской и русской культуры. Обучение русскому языку в этих школах начиналось с первого года обучения.

Новая власть стремилась не только навязать местному населению новые правила жизни, но и небезуспешно брала на вооружение приемы воздействия на подданных, заимствованные у ушедших или потеснившихся на политической сцене ханов.

Именно стремлением поддержать реноме имперской власти в глазах коренного населения объясняется заимствование пышного придворного церемониала, порожденного самой традицией восприятия власти на Востоке. Халиф здесь одновременно являлся религиозным и политическим главой общины. Если вначале он олицетворял суверенитет мусульманской общины, то со временем начинает восприниматься как воплощение верховного суверенитета Аллаха. Повиновение ему приобретает всеобщий характер и становится религиозной обязанностью. Согласно Корану, повелитель имеет право на абсолютное повиновение правоверных. Он волен распоряжаться и жизнью, и собственностью подданных по своему усмотрению. Действия правителя понимаются и объявляются населением как выполнение воли Аллаха, как проявление его власти. Обладание властью религиозного главы делает его недостижимым для подданных. В то же время в мусульманском обществе почитался сан правителя, а не конкретная личность, обладавшая этим саном. Известно, что русские администраторы мусульманских провинций империи успешно использовали эти представления в своей управленческой практике. Первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана местные жители прозвали «Ярым-паша», «Ярым-падишах» (полугосударь) не только за фактическую безграничность полномочий, но и за характерную для Востока завораживающую роскошь, сопровождающую все ритуальные выражения его власти, и колорит, соответствующий ожиданиям местного социума. Обезд туркестанским генерал-губернатором вверенного ему края сопровождался церемонией, поражающей воображение: торжественные построения войсковых частей, военные парады, музыка многочисленных военных оркестров, прием депутаций от всех сословий, торжественные обеды. Все это явно превосходило аналоги из церемониальной практики бухарских эмиров. Принципиальное отличие состояло в том, что российские администраторы широко использовали подобные события как поводы для пропаганды имперской идеологии и разъяснения политических устремлений России.

Стремление соответствовать восточным представлениям о власти и могуществе было важной заботой не только власть предержащих, но и любого лица, так или иначе представлявшего Российскую империю на Востоке. Известный исследователь Туркестана А.П. Фед-

ченко так описывает подготовку к кокандской экспедиции 1871 г.: «В Ходжете я должен был получить казачий конвой до кокандской границы. Опасности никакой не предвиделось, но конвой был нужен, чтобы кокандцы сразу увидели, что к ним едет лицо, пользующееся известным вниманием. Известно, что в Средней Азии значение измеряется внешностью и чем больше значение, тем больше должна быть и свита. Так как успех моего путешествия зависел от приема, который мне сделают, то в этом отношении первое впечатление было в известной степени важно» [4. С. 220]. Российские политические агенты в протекторатах оказывали весьма жесткое воздействие на правительства Бухары и Хивы. Но делали это под прикрытием внешнего беспрекословного уважения к привилегиям ханской власти и ее внутреннему суверенитету.

Таким образом, создавая образ новой власти, царская администрация, в первую очередь, исходила из принципа замещения субъектов традиционных сакральных представлений. Принимая во внимание традиционную нераздельность светской и духовной власти в исламе, имперская администрация в Центральной Азии отделила сферу управления от культа, не покушаясь на сакральное восприятие власти. Высокий социальный статус сохранился за служителями культа, которые не были подвергнуты гонениям и заняли свою нишу в новой социальной структуре. Имперская администрация стремилась воспринять светскую составляющую представлений о власти, а поэтому должна была соответствовать некультовым проявлениям ханской власти. Новая власть понимала, что укрепить свою сакральность на основе лишь «игнорирования ислама» не удастся. Поэтому она перешла к конструированию собственной системы культурных кодов.

Не имея реальной возможности уничтожить месточтимые святыни, на которых зиждилась традиционная идеология, российская администрация пыталась создавать новые культы, маркируя таким образом не только свое присутствие в регионах, но и свое право быть достойной заменой прежней власти в глазах коренного населения. Причем новая сакральность не должна была иметь явно выраженный религиозный характер. Новая власть стремилась осуществить замещение связанных с властью традиционных культов на новые. Мазары должны были уступить свое место монументально оформленным братским могилам российских воинов, павших в боях за Русский Туркестан. Памятники, выполненные в православной и имперской монументальной стилистике, появились по всему завоеванному краю на месте крупных сражений и братских захоронений. Святыни, связанные с именами Чингизидов и Тимуридов, призваны были уступить свое место памятникам имперским деятелям. Уже в первые годы российского владычества в Ташкенте был музеефицирован домик покорителя города М.Г. Черняева. Чуть позже в городе появились и его бюсты.

Культ покорителей, вместе с альтернативной традиционной системой образования, должен был стать

лейтмотивом пропаганды единства империи и неотъемлемости Русского Туркестана. В связи с этим интересно вкратце рассмотреть судьбу мемориалов, связанных с именем первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, которого в имперской пропагандистской практике принято было называть устройтелем Туркестанского края. Управлявший генерал-губернаторством с 1867 по 1882 г., он был первоначально похоронен в названном в его честь Константиновском сквере. В 1889 г. прах перенесли в новостроенный Спасо-Преображенский военный собор, но мемориальный характер первого места погребения было решено сохранить. И в 1893 г. в сквере появился необычный памятник: на постаменте из семи рядов ядер жерлами вверх стояли три скрещенные пушки, поддерживавшие крупное ядро с воздвигнутым на нем мечом, обрамленным бронзовым венком. У подножия к пушкам были приставлены три щита с надписями, а по бокам установлены два Георгиевских знамени. Монумент окружала цепь на четырех столбах. Довольно скупыми, но конкретными формами монумент напоминал не только о былых победах, но и своеобразно предупреждал о боевой готовности российской армии.

В 1907 г. был объявлен конкурс на новый памятник «Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию». На четырехгранном пьедестале, опершись на трость и задумчиво склонив голову, стоял генерал в походной форме. У ног его склонились неприятельские трофеи, которые попирали ногой солдат, трубящий отбой войне. На гранях постамента, согласно условиям конкурса, в увитых торжественными гирляндами медальонах, были помещены увенчанные двуглавым орлом барельефы главных участников среднеазиатских событий – генералов Черняева, Колпаковского, Скобелева и Абрамова. Этот проект не был реализован: во-первых, многим было непонятно, почему в ногах Кауфмана оказались деятели, внесшие большой вклад в завоевание Туркестана, а во-вторых, фигура утомленного генерала не вписывалась в символический ландшафт страны, постоянно нуждавшейся в напоминании о могуществе завоевателей. В итоге в 1813 г. на площади в центре Константиновского сквера был открыт новый памятник. То обстоятельство, что он замыкал перспективу Кауфманского и Московского проспектов, определило большие размеры памятника и его вертикальную архитектуру. Являясь своего рода квинтэссенцией имперской пропаганды, монумент представлял собой многофигурную композицию, в которой бронзовые фигуры были подняты на высоком пьедестале в виде среднеазиатской крепостной башни. Венчали постамент фигура генерала в походной форме с опущенной обнаженной саблей и устремленным вдаль взглядом и расположенные позади фигуры двух солдат, один из которых трубил отбой, а другой, поддерживая вертикаль монумента, водружал на башне победоносное знамя. В ногах генерала на уступе башни хищно распростер крылья двуглавый орел. Помещенная под ним бронзо-

вая доска сообщала, что этот памятник посвящен «Константину Петровичу фон Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию». В подножие монумента были вмонтированы доски, перечисляющие воинские части, участвовавшие в завоевании Туркестана, и земли, присоединенные при Кауфмане: «Бухара. Хива. Коканд. Кульджа. Туркмения». На одной из досок цитировалось завещание генерала: «Прошу похоронить меня здесь, чтобы каждый знал, что здесь настоящая русская земля, в которой не стыдно лежать русскому человеку». Символическое значение этого монумента вполне очевидно. Как очевиден и выбор места для него. Недаром уже в 1919 г., через год после уничтожения этого памятника, на его месте появился символ новой власти – серп и молот, последовательно сменявшийся символами новых эпох: памятником десятилетия Октября, фигурой Сталина, обелиском «Программы Коммунизма», памятником К. Марксу, конной статуей Тамерлана.

Однако, насаждая новые священные символы в Центральной Азии, имперская власть проявляла должное уважение к местным историческим и культурным ценностям. Полуразрушенные временем и человеческими руками, они продолжали оставаться объектами поклонения верующих, сохраняя религиозный характер и культовое предназначение. Известно, что первые руководители Русского Туркестана особыми приказами

оберегали местные святыни от гибели в период завоевания региона, призывали собирать древности для научного изучения, составлять описания памятников старины и обеспечивать их охрану.

Создание и последовательное развитие образа империи (на визуальном и ментальном уровнях), подразумевавшего величие и незыблемость власти, гуманизм и просвещение, права личности и свободу предпринимательства, общественную безопасность и идеологию единства, являлись важнейшим направлением внутренней политики России в Центральной Азии, обеспечившей ей полувековое практически безболезненное господство в регионе. Демонстрируя лояльность к традиционному культу и уважение к историческому прошлому народа, российская власть рассчитывала на лояльность местного населения и в значительной степени облегчала себе управление им. Предлагавшиеся местному населению новые социокультурные модели подкреплялись визуальными образами (как близкими, так и первоначально непонятными), призванными утвердить среди коренных жителей представление об извечности, недостижимости и незыблемости российской власти, привлекательности новых цивилизационных ценностей. Кроме всего прочего, данные образы должны были стимулировать среди местных ожидание возможного извлечения выгод от приобщения к этим ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чабров Г.Н. Русские архитекторы дореволюционного Туркестана (1865–1916) // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент : Изд-во Акад. наук Узб. ССР. С. 221–249.
2. Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX – начало XX веков). Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1988. 208 с.
3. Никифорова Л.В. Дворец в истории русской культуры: опыт типологии. СПб. : Астерион, 2006. 346 с.
4. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. [1868–1871]. М. : Географгиз, 1950. 468 с.

Vasilyev Dmitry V. Russian Academy of Business (Moscow, Russia). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Lyubichankovskiy Sergey V. Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia). E-mail: svlubich@yandex.ru

THE RUSSIAN POWER IN THE TURKESTAN REGION: VISUALIZATION OF IMPERIAL SPACE AS ACCULTURATION FACTOR

Keywords: monumental art; town planning; architecture; ceremonial; image of the power; Russian Turkestan; traditional culture; European civilization.

The purpose of the article is to study forms and methods which were used by the Russian authorities in the Turkestan Governorate General not only in order to mark its presence in the region, but also to approve symbolically its domination in the alien society. The objects of the research caused a choice of the corresponding methodology. The research of toponyms of the Russian part of Tashkent of the second half of the 19th century was made in the context of all urbanonyms. As a result of their historical and chronological analysis separate groups of toponyms bearing this or that symbolical content were determined. The modeling of new and transformation of the existed city space are being studied by means of the cartographical method which allowed to compare new town plans with the plans of the cities of the European Russia. Studying of monumental constructions of the Turkestan cities, primarily of Tashkent, is carried out by the combination of formal and iconographic methods which on the one hand allowed to describe an image, created by this or that monument, and, on the other hand, to emphasize its figurative and symbolical contents. The comparative analysis allowed to demonstrate the relation of monumental constructions in Tashkent with the similar in central regions of Russia. The symbolical aspect of interaction of the representatives of the Russian power with local population is analyzed with the help of the historical and cultural method allowed to use memoirs in order to reconstruct the epoch. The integrated approach applied in article allows to consider the directions of visual and symbolical impact of the Russian administration on the local population in its typological variety and also allows to arrive at the next conclusion. There is no doubt that since the moment when the Russian government decided to conquer and attach Transoxiana to the empire, at first the designing of image of the new power had spontaneous and natural character of a cult of heroic conquerors of the Asian open spaces, and over the time has taken more systematic form. Seeking to make an image of the presence in the region not only powerful, but also attractive, the imperial administration was not only designed the new reality, but also used the principle of replacement of subjects of traditional sacral representations. Thus, it showed demonstrative respect for local historical and cultural values.

REFERENCES

1. Chabrov, G.N. (1960) Russkiye arkhitektory dorevolyutsionnogo Turkestana (1865–1916) [Russian architects of pre-revolutionary Turkistan (1865–1916)]. In: Pugachenkova, G.A. (ed.) *Arkhitekturnoye naslediyе Uzbekistana* [Architectural heritage of Uzbekistan]. Tashkent: Uzbekistan SSR Academy of Sciences. pp. 221–249.
2. Nilsen, V.A. (1988) *U istokov sovremennogo gradostroitel'stva Uzbekistana (XIX – nachalo XX vekov)* [The origins of modern urban planning in Uzbekistan (the 19th – early 20th centuries)]. Tashkent: Izd-vo lit. i iskusstva.
3. Nikiforova, L.V. (2006) *Dvorets v istorii russkoy kul'tury: opyt tipologii* [Palace in the history of Russian culture: an experience of typology]. St. Petersburg: Asterion.
4. Fedchenko, A.P. (1950) *Puteshestviye v Turkestan. [1868–1871]* [A Journey to Turkestan. [1868–1871]]. Moscow: Geografiz.